

Александра Баркова

Подросток
Исполин
Регресс

Три лекции
о мифологических
универсалиях

ЛекцииPRO-mini

Александра Баркова

**Подросток. Исполин.
Регресс. Три лекции о
мифологических универсалиях**

«РИПОЛ Классик»

2019

УДК 2-264
ББК 82.3

Баркова А. Л.

Подросток. Исполин. Регресс. Три лекции о мифологических универсалиях / А. Л. Баркова — «РИПОЛ Классик», 2019 — (ЛекцииPRO-mini)

ISBN 978-5-386-12485-4

«Вообще на свете только и существуют мифы», — написал А. Ф. Лосев почти век назад. В этой книге читателя ждет встреча с теми мифами, которые пронизывают его собственную повседневность, будь то общение или компьютерные игры, просмотр сериала или выбор одежды для важной встречи. Что общего у искусства Древнего Египта с соцреализмом? Почему не только подростки, но и серьезные люди называют себя эльфами, джедаями, а то и драконами? И если вокруг только мифы, то почему термин «мифологическое мышление» абсурден? Об этом уже четверть века рассказывает на лекциях Александра Леонидовна Баркова. Яркий стиль речи, юмор и сарказм делают ее лекции незабываемыми, и книга полностью передает ощущение живого общения с этим ученым.

УДК 2-264

ББК 82.3

ISBN 978-5-386-12485-4

© Баркова А. Л., 2019
© РИПОЛ Классик, 2019

Содержание

Предисловие	6
Лекция 1. Сопричастие мифу	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Александра Баркова
Подросток. Исполн. Регресс. Три
лекции о мифологических универсалиях

© Баркова А. Л., 2019

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019

Предисловие

Суть этой книги можно сформулировать одним словом: вопреки.

Вопреки даже не тому, чему меня учили, а вопреки многим и многим представлениям, которые были для меня незыблемыми, когда четверть века назад я начинала преподавать мифологию. Когда недрогнувшей рукой выводила в программе курса заголовки «Мифологическое мышление». Когда искренне считала эпические гиперболы просто художественным приемом. Когда, преподавая искусство Древнего мира или Востока, говорила, что эти художники «не умели»...

На страницах этой книги я довольно много ругаю наши упорные представления о том, что, чтобы человек нечто знал, его должен другой человек научить. Но то, в чем мне приходилось разочаровываться спустя десять или более лет преподавания, было отнюдь не результатом обучения в вузе. Это были плоды страстной самостоятельной работы, это были знания из бесконечно дорогих и любимых книг, каждая из которых в свое время была для меня окном в мир подлинной науки, а не того уныния, которое царило на большинстве университетских лекций.

Впрочем, первый удар по священному идолу по имени Прогресс был нанесен именно в университетской аудитории, и это был один из тех моментов, которые на всю жизнь остаются в памяти и в мировоззрении. Профессор О. С. Широков, читавший нам курс «Введение в языкознание», обмолвился к слову, что... прогресса в культуре – нет. Мы были в шоке – это был 1988 год, Советский Союз еще казался незыблемым, а литературоведы и прочие фольклористы внушали нам прямо противоположное (пятью годами ранее аналогичное внушали нам в художественной школе на «Истории искусств»). «Нет, – сказал нам Олег Сергеевич, – идея прогресса в культуре нужна затем, чтобы доказать, что соцреализм это лучшее, что сотворило человечество». Что ж, соцреализм мы ненавидели стройными рядами, поэтому мысль профессора нам стала несколько ближе. А он сказал: «Если бы в культуре был прогресс, вы бы сейчас не читали Эсхила». Эсхила я любила куда больше других античных трагиков, поэтому для меня не осталось никаких сомнений в отсутствии прогресса в культуре.

Второй удар – уже по другому, еще более священному идолу, по идолу Авторитет, – был нанесен спустя неполные пять лет, когда я работала над дипломом. К тому времени между мной и кафедрой русского фольклора уже полыхала огненная пропасть – кафедра занималась собирательством (в основном частушек), я – типологическим и мифологическим анализом былин на фоне мирового эпоса¹, поэтому меня приютили на кафедре общего языкознания. И вот, когда я принесла научному руководителю черновик диплома, он меня сурово отчитал за одну цитату из Лосева, где Алексей Федорович связывает грамматический строй и тип мышления. «Но это же Лосев...» – попыталась возразить я. И получила ответ, что ошибка классика, процитированная мной, становится моей ошибкой – и, соответственно, расплачиваться за нее придется уже мне².

Прочих священных идолов я рушила уже самостоятельно, спустя годы и десятилетия. И внезапно обнаружила, что такой вандал, как я, – давно никакой не филолог, потому что филолог работает с вершинами культуры (прогресса нет, но гении-то есть!), а меня интересует то, что творится в сознании у многих или даже большинства, и неважно, принимает ли это вид совершенных художественных форм или убого по исполнению. А это другая наука, это – культурология.

¹ Если вы читали «Введение в мифологию», то помните главы по былинам – это на три четверти мой диплом.

² Плоды той дискуссии вас ждут в этой книге: это самый «демонологический тип» мышления. В остальных случаях я оставляла термины Лосева, а тут он был совсем из грамматики и его пришлось заменить.

Культуролог, говоря образно, это такой крокодил, который может съесть всё – живое ли, мертвое ли, – главное, чтобы плавало рядом с пастью. Для культуролога нет деления на совершенное и второсортное. Для него есть востребованное, распространенное и, наоборот... да нет никакого «наоборот», оно далеко от крокодильей пасти плавает и поэтому неинтересно!

Говоря без метафор, для культуролога нет деления на «правильное» и «неправильное». Подросток хочет покончить с собой? – не надо говорить, что он жертва неправильного воспитания в школе или в семье; все подростки во все времена хотят (хоть на минуточку!) покончить с собой, и надо анализировать причины этого. Египтяне за три тысячи лет не научились реалистично рисовать человеческую фигуру? – ой, я не в пятом классе, не рассказывайте мне про их «неумение», за три тысячи лет научиться можно, а если не научились – то опять-таки надо вскрывать причины этого. Космонавты перед вылетом устраивают такое, что в приличном обществе не упомянуть, а только в лекции процитировать, – и снова надо не презирать суеверия, а (сейчас скажу ужасную вещь!) разбираться с тем, в чем польза этих самых суеверий в условиях космической эры.

Да, польза! Любое явление культуры, если оно массовое, – полезно обществу. Иначе оно массовым не будет. На бумаге это утверждение банально, но как только вам предложат его применить хоть к романам Донцовой, хоть к подростковому мазохизму, то мнение о полезности поубавится. Но то, что *не* полезно обществу, – вымирает, как вымер обряд инициации с переходом к земледелию или военный парад на 1 Мая (да, был такой). Аналогично, если художники некоей культуры действительно не умели рисовать или, скажем, высекать человеческую фигуру из камня, то конкретные люди – учились, а культура – развивалась (что мы видим в Европе от Средневековья до Возрождения; хотя Давид не прекраснее Уты, он просто другой), но если три тысячи лет пролетают для искусства как один день, то это явно было нужно обществу именно в таком виде.

И здесь – главное «вопреки» этих трех лекций. Потому что их предмет в большей или меньшей степени – антиценности общества. То, что комфортнее считать неправильным или просто стараться не замечать. Но я предлагаю открыть глаза и рассмотреть правду, даже если она не нравится.

Лекция 1. Сопричастие мифу

Первый и самый главный вопрос: почему? Почему мы с вами здесь сейчас собрались и собрались именно по теме мифологии? Ведь других интересных тем много, и рассказывать я могу не менее увлекательно на любую из них. И ответ на этот вопрос более чем серьезный, потому что наша с вами культура, подразумеваемая под «нашей культурой» не конкретно русскую, а культуру стран европейского типа (к которым относится и Америка), так вот – наша культура с конца XIX века начала резкое движение в сторону того, что называется термином «вторичная мифологизация».

Итак, вторичная мифологизация. Что это такое и откуда взялось? Европейская культура прошла через эпоху Просвещения, которая предполагала, что сознание человека – *tabula rasa*, чистая доска, на которой опыт пишет свои письмена. Соответственно, человек полностью зависит от тех условий, в которых он воспитывался. Воспитываете его правильно – получите благородного человека, воспитываете его неправильно – получите мерзавца. Логика предельно простая, логика предельно четкая. XIX век очень четко идет под знаком развития атеизма, не говоря уж об утрате связи с природой. Между тем связь с природой, как я многократно говорила на лекциях, – это то, что дает нам с вами опору на эмоции и на обращение к нашему подсознанию. Город разрывает связь с подсознанием очень серьезно. Опять же, в рамках этой лекции я всегда задаю вопрос, весьма незамысловатый: как древний человек определял, какая травка полезная, какая травка вредная? Как он это делал? Мы с вами люди цивилизованные, у нас с вами за плечами сорок тысяч лет развития общества. Итак, тут у нас есть ответы: опытным путем или же интуитивно. А как животные это делают? Вот смотрите, когда мы с вами читаем сказку Феликса Зальтена «Бемби», нашего Бемби ранит нехороший охотник. И говорится, что Бемби выбирает такие травы, которые он никогда в нормальной жизни своей не ел, горькие, неприятные, но сейчас он искал именно их, потому что ему надо унять кровь, залечить рану и так далее. Понятно, что Бемби действует за счет инстинкта, он олень, ему разум приписан только в рамках сказки. Когда мы это пытаемся спроецировать на древнего человека, у нас уже срабатывает то, что мы с вами прошли через эпоху Просвещения, то, что мы твердо выучили: чтобы человек что-то знал – его надо этому научить. Это фигня, дорогие мои, это полная фигня. Вдумайтесь, сколько в вашей жизни, вот там, где вы достигли успеха, – того, чему вас учили? Мой жизненный опыт говорит, что я успеха достигла только в том, чему меня никто не учил. Там, где меня учили, там я действую более-менее по шаблонам и, следовательно, не достигну успеха. Там, где я что-то делала сама, там успех есть. Поэтому я вам скажу, что эпоха Просвещения кончилась в XVIII веке, и хватит, хватит в ней уже жить!

И древний человек действовал интуитивно, выясняя, какая травка полезная, какая наоборот. И мы, к счастью, не очень далеко ушли от него (а кто мне не верит, тот пусть вспомнит, сколько времени его именно учили пользоваться компьютером-смартфоном, сколько он сидел над справочниками, учебниками... или всё-таки сразу жал на кнопки, потому что – интуитивно понятный интерфейс, а?).

Конечно, чему-то нас учат. И я вас сейчас учу, да. Но вы должны понимать, что объем логической информации, которая нам в жизни необходима, и объем того, что мы получаем не через логику, – это зримая и подводная части айсберга.

О наших недрах подсознания. Вы можете верить в вещие сны, вы можете не верить в вещие сны – это ваше личное дело. Но хорошо известно, что если человеку перед важным ответственным делом снится сон, что он поднимается по широкой белой лестнице, то на следующий день он в этом самом деле достигнет успеха с очень-очень высокой вероятностью. Если же, соответственно, ему снится сон, что он спускается по лестнице, особенно по какой-нибудь несимпатичной, то это, скорее всего, говорит о том, что на следующий день у него в

этом деле будут неудачи. Давайте мы с вами встанем на атеистическую позицию и не будем верить в вещие сны. Но интуиция, она же подсознание, – это факт объективный. Что такое сон про лестницу в рамках подсознания? Это мобилизация внутренних сил организма, то есть человек морально готовится к совершению некоего действия, он собран и нацелен на успех. Про белую лестницу я даже однажды слышала в каких-то новостях, когда наша спортсменка стала чемпионкой мира: она обмолвилась, что в ночь перед соревнованием она этот сон видела, по широкой белой лестнице поднималась и, соответственно, на следующий день стала чемпионкой. Всё нормально, всё правильно. Это мобилизация внутренних сил, которая потом будет воплощена, никакой мистики в этом нет. Точно так же и спуск. Что это такое? Это человек сознанием, разумом хочет убедить себя, что у него всё хорошо, всё в порядке, а подсознание говорит: «нет, дорогой, ты взялся за безнадежное дело, ты не достигнешь успеха, фиг тебе».

Город, как я уже многократно говорила, наш с вами доступ к подсознанию блокирует. Соответственно, вторичная мифологизация возникает как (внимание!) процесс не только культурный и не только социальный, а возникает она как процесс психологический. Мы, в силу того, что мы горожане, лишены возможности пользоваться мощью нашего подсознания, и мы пытаемся к этому вернуться. Поэтому, заметьте, если мы с вами начнем рассматривать культуру с того же самого конца XVIII века, с нелюбимой мной эпохи Просвещения, то у нас там будет и Руссо, который практически первым в европейской культуре очень мощно заговорил о необходимости возврата в природу. Потому что это не культурное явление, а это внутренняя потребность человека. XIX век дал нам романтизм с культом природы. XX век – это массовое возвращение горожан в природу, это культура 60-х годов: туристы, барды. 90-е годы нам дали ролевиков, которые не мыслятся без бегания по лесам. Но само обращение к мифологии в любом ее проявлении дает нам еще больший ключ, опять же, к нашему подсознанию. Вот это вот самый главный, самый важный аспект и современного интереса к мифологии, и вторичной мифологизации в целом. И он в абсолютном большинстве случаев теряется, его теряют из виду, то есть забывают о главной цели вообще всех рассуждений о любой мифологии любого народа. Потому что, да, конечно, знать греческую, римскую, египетскую мифологию культурному человеку полезно. Знать мифологию индейцев или, нежно мною любимый, эпос Северного Кавказа культурному человеку любопытно. Познавательный аспект этого курса вполне понятен. Но главное, что вас сюда приводит, это аспект не познавательный, не интеллектуальный, это именно аспект, связанный не с логическим (вот как Бемби ел те самые травки), а интуитивным доступом к тому, что есть в подсознании каждого из нас.

Следующий момент. Из года в год, читая вводную лекцию, я, логично, пользовалась термином «мифологическое мышление». Почему я пользовалась этим термином? Потому что хвост того самого образования, которое я уже ругала. Меня же мифологии практически не учили, а в основном всё, естественно, сама по книжкам. В этих самых книжках был написан термин «мифологическое мышление». Я была хорошей студенткой, я считала, что умные книжки пишут умные люди и надо за ними повторять. Это отнюдь не бесспорное утверждение. Но там был написан термин «мифологическое мышление». Кто этот термин писал? Люди, выросшие, опять же, в культуре позитивизма. Люди, которые более или менее пользуются термином «дикарь» применительно к представителю традиционной культуры.

Так вот – об умных людях и дикарях. Пример, который я с недавних пор активно использую. Этот пример я вычитала у Елизаветы Дворецкой, она пишет славянское фэнтези. Я ее очень глубоко уважаю и всячески рекомендую заинтересованным лицам ее скандинавский цикл романов, он совершенно прекрасен. Я считаю это вообще одной из вершин русского фэнтези. Славянский цикл местами прекрасен, местами... ну, неровен. Но мы сейчас не о достоинствах Дворецкой, а о ее ляпе, извините. Естественно, что все мы воспитаны примерно на одних и тех же книжках по славянской культуре. И вот в одной из этих замечательных книжек говорится примерно следующее: есть такой русский обычай (правда, он есть),

когда рождается ребенок в крестьянской семье, мальчик, то его надо немедленно завернуть в отцову рубаху, чтобы его пол не переменялся, чтобы он не оказался девочкой, – а лучше, для надежности, завернуть еще и в отцовы штаны. У Дворецкой в одном из романов, узнав о том, что у него родился сын, герой с себя рубаху стягивает, несмотря на заранее приготовленную, – надо срочно сына заворачивать. Дворецкая делает примечание, что в это странно поверить, но, действительно, такое поверье было, и, действительно, русские крестьяне боялись, что пол новорожденного ребенка может перемениться. Что думают все нормальные люди? Они думают: какой идиот. Они, в общем, думают правильно, только идиотом является не крестьянин. Почему? Потому что каждый человек видит мир в своих категориях. Человек эпохи позитивизма привык опираться на логику.

Оставим пока нашего счастливого отца с новорожденным сыном, мы к ним вернемся позже.

Как вы знаете, я в очных лекциях регулярно качаю трость. Там, где набалдашник, – это у нас сознание. Противоположный конец – интуиция. Один конец поднимается, другой опускается. У традиционного человека острый конец наверху, он живет интуицией больше, чем логикой. То, что у зверюшек называется некультурным словом «инстинкт». Культура развивается – конец с головой поднимается. У нас с вами, у интеллектуального человека, эти весы угрожали вообще чуть не перевернуться. У нас доминирует разум, подсознание у нас загнано бог весть куда. А вот в ситуации стресса... Что есть стресс? Стресс – это очень интересная штука, когда сознание наше улетает куда-то вниз, а эмоции начинают резко доминировать.

Так вот, о стрессе и о мифологии. Если вам надо собрать любые современные поверья – скажите мне, к кому вы пойдете? У кого вы будете искать поверья? А? Мне понравился ответ, что скорее к студентам, чем к бабушкам. Мне почему-то никто не назвал актеров, а между тем наверняка знаете и без меня, что если вы уронили на репетиции текст пьесы, то сначала надо на него сесть, только потом поднимать, иначе пьеса провалится. Дальше. Почему-то вы не назвали туристов-альпинистов, а между тем наверняка многие знают: у тех, кто ходит в лес, первый хлеб, первый алкоголь, первое мясо – в костер. Ну и истории про черных-белых альпинистов-спелеологов... наверняка вы что-то слышали. Летчики? да, совершенно верно. У летчиков полет не бывает «последний», полет бывает «крайний».

Мы с вами получаем следующую картину: чем больше профессия человека связана с риском, тем больше в ней будет современной мифологии. Давайте я вас повеселю тем, что космонавты, как дальнобойщики, должны перед стартом помочиться, но дальнобойщик мочится на колесо своей машины, у него всё логично, космонавту сложнее. Космонавт с этой целью использует колесо автобуса, на котором его привезли на стартовую площадку. Более того, поскольку у них скафандры герметичные, то после совершения этого ритуала надо заново всё герметизировать. Тем не менее на это идут, потому что вы понимаете, что дело, мягко говоря, волнующее. И смертельный риск уж у кого, а у космонавтов есть. Более того, его очень забавно исполняют женщины, поскольку женщины приносят с собой в баночке и выливают на колесо. Оставили в покое космонавтов, перешли к простым студентам. Как вы понимаете, у студента все суеверия будут в сессию вылезать как грибы после дождя, а в обычное время он такой атеист-атеист или, наоборот, верующий, что для нас одно и то же, то есть он чужд суеверий. Так вот, как только человек входит в ситуацию стрессовую, сразу же его мышление начинает резко мифологизироваться. Если он постоянно в ней находится, то поверья носят постоянный характер. Если он временно в этом находится, значит, поверья, всевозможные приметы будут носить временный характер. В этом разница как между студентом и летчиком. Как вы прекрасно понимаете, вне ситуации стресса оно всё выглядит достаточно юмористично. Мы же с вами взрослые люди, мы живем в XXI веке, ну что такое: мочиться на колесо автобуса – это же и неприлично, и глупо, и вообще, тут, понимаешь ли, суперсовременная техника, компьютеры, а они – на колесо автобуса!.. Еде тут мышление?! Я хочу вам сказать, что во всех этих

поверьях, которые мы с вами разбираем, и в ста миллионах тех, которых мы не коснулись, нету ни капли мышления, логики; это всё не то что алогично, оно – антилогично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.